Столетова А. С. Ментальность и стереотипы общественного поведения в условиях обыденности 1950—1980-х годов (документальные свидетельства эволюции) / А. С. Столетова // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 481—498. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-481-498.

Stoletova, A. S. (2021). Mentality and Stereotypes of Social Behavior in Everyday Life of 1950—1980s (Documentary Evidence of Evolution). *Nauchnyi dialog*, 10: 481-498. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-481-498. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-481-498

Ментальность и стереотипы общественного поведения в условиях обыденности 1950—1980-х годов (документальные свидетельства эволюции)

Столетова Анна Сергеевна
orcid.org/0000-0002-2167-072X
ResearcherID P-1507-2017
кандидат исторических наук, доцент
кафедры отечественной истории
Института социальных и
гуманитарных наук
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Вологодский
государственный университет
(Вологда, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РНФ,
проект № 19-18-00269
«Трансформация российского общества
1950—1990-х гг.: классовый генезис и
эволюция экономического устройства»

Mentality and Stereotypes of Social Behavior in Everyday Life of 1950—1980s (Documentary Evidence of Evolution)

Anna S. Stoletova
orcid.org/0000-0002-2167-072X
ResearcherID P-1507-2017
PhD in History, Associate Professor,
Department of National History,
Institute of Social and
Humanitarian Sciences
Stoletowa-A-S@yandex.ru

Vologda State University
(Vologda, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded by Russian
Science Foundation,
project number 19-18-00269
“Transformation of Russian society
in the 1950—1990s: class genesis and
evolution of the economic structure”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На основе впервые вводимых в научный оборот архивных источников, извлеченных из фонда Российского государственного архива новейшей истории, освещается вопрос общественного восприятия социально-материальных условий жизни 1950—1980-х годов. В тексте поднимается проблема утверждения новых социальных архетипов, формирование которых становится возможным в условиях утверждения новоприобретенных ценностных основ экономического поведения, приемлемости неформальной хозяйственной практики, а также деятельности, направленной на укрепление материального достатка. Комментируются обстоятельства метаморфоз в мировоззренческих установках и стереотипах мышления представителей партийной номенклатуры, руководителей производств, управленцев, рабочих и сельских тружеников. Уделяется внимание вопросу традиций коммуналности, коллективизма, советской трудовой идеологии. Охарактеризована реакция власти на перемены в мироустановлении, выражающиеся в трансформации идеологических конструктов и патерналистских менталитетообразующих констант сознания русского народа. Автор приходит к выводу, что на протяжении 1950—1980-х годов изменения в повседневных общественных представлениях и традициях, ментальности, мышлении свидетельствовали о нарастании социального размежевания, что в конечном итоге стало основой кризиса 1990-х годов.

Ключевые слова:

общественное сознание; менталитет; мировоззрение; повседневность; быт; труд; социальная жизнь; экономические факторы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

On the basis of archival sources brought into scientific circulation for the first time, extracted from the fund of the Russian State Archive of Contemporary History, the issue of public perception of the social and material conditions of life in the 1950—1980s is highlighted in the article. The problem of establishing new social archetypes, the formation of which becomes possible in the context of the approval of the newly acquired value foundations of economic behavior, the acceptability of informal economic practices, as well as activities aimed at strengthening material wealth is raised. The circumstances of the metamorphosis in the ideological attitudes and stereotypes of thinking of representatives of the party nomenclature, production managers, top managers, workers and rural workers are commented on. Attention is paid to the issue of traditions of communality, collectivism, Soviet labor ideology. The author describes the reaction of the authorities to changes in the world order, which are expressed in the transformation of ideological constructs and paternalistic mentality-forming constants of the consciousness of the Russian people. The author comes to the conclusion that during the 1950—1980s, changes in everyday social ideas and traditions, mentality, thinking testified to the growing social division, which ultimately became the basis of the crisis of the 1990s.

Key words:

public consciousness; mentality; worldview; lifestyle; everyday life; work; social life; economic forces.

Ментальность и стереотипы общественного поведения в условиях обыденности 1950—1980-х годов (документальные свидетельства эволюции)

© Столетова А. С., 2021

1. Постановка проблемы изучения ментальности российского общества

Ценностные ориентации, образ мышления, коллективистские установки, мировоззренческие основы культурных традиций, повседневные бытовые представления, трудовая идеология как важнейшие составляющие элементы русской ментальности на протяжении 1950—1980-х годов претерпевали серьезные трансформационные процессы. Экономическая часть социальной системы (воспроизводственный и распределительный процессы, рыночные механизмы, материальные потребности) оказывала прямое влияние на формирование особенностей традиционалистских черт сознания населения России. Нет оснований отрицать тот факт, что истоки обыденных практик советских граждан так или иначе связаны с крестьянской ментальностью. Групповое сознание, поведение в коллективе, общественный выбор под воздействием политических факторов, рыночных механизмов и экономических реалий, безусловно, испытывали видоизменения. Однако крестьянское мировидение все же выступало системообразующим фактором [Бабашкин, 1996]. Социальная память и сельское мировосприятие — явления, знакомые даже современному старшему поколению постсоветской России. Ментальное народное наследие так или иначе во многом определяло мировоззренческие формы, проявляющиеся в виде ощущений, пристрастий, в том числе неосознаваемых принципов устройства общества, отношения к власти, земле, собственности. В данной связи нельзя не упомянуть, что проблема сопоставления категории собственности и других составляющих системы ценностей в менталитете крестьянства была поставлена в науке О. Ю. Яхшияном [Яхшиян, 1996].

Итак, важнейшие будничные каноны, устои и воззрения советских граждан, их понятия о бытии сосредоточены и берут свое начало в деревенских образах и складе ума. В данном контексте представляется целесообразным рассуждение об устоявшихся идеологемах, царивших некогда в корпорации людей, и их эволюции на протяжении интересующего нас периода. Как писали Л. В. Данилова, В. П. Данилов, в традиционной

общинной ментальности заключены непреходящие ценности, характеризующие сущностную природу социальности: коллективизм, демократизм, взаимопомощь, социальная справедливость, равенство [Данилова и др., 1996]. В контексте явлений культурной, социально-экономической динамики советского общества, обновления религиозной стороны жизни, обозначившихся в первой половине 1950-х годов и продолжавшихся в течение второй половины XX века, крестьянский менталитет испытывал разного рода трансформации и деформации в индустриальную сторону. Этому способствовал процесс орабочивания крестьянства. Перечень базовых стереотипов, стандарты поведения испытывали некий слом, капитализировались. Так, общинные связи и интересы на протяжении длительного периода времени испытывали распад (в частности, об этом рассуждали писатели: В. Ф. Тендряков в очерке «Падение Ивана Чупрова» [Столетова, 2020в], В. Г. Распутин в повести «Пожар» [Столетова, 2019а], С. Т. Алексеев в романе «Рой» и др.). Постепенно утверждалась психология абсолютизации личностных интересов. Нет необходимости опровергать факт о том, что *групповое, коллективное, общинное сознание* принадлежит пройденным стадиям общественного развития. Историческая ограниченность данного явления бесспорна. Не менее очевидно изменение соотношения позиций личности и коллектива ввиду дальнейшего и глубокого социально-экономического расслоения, размежевания, укрепления частного начала (истоками которого являлось мелкокрестьянское производство) в новых рыночных реалиях второй половины XX века, а также дискредитация понятия о взаимопомощи (товарно-денежные, рыночные отношения вытеснили общинную взаимопомощь). Одновременно изменялось соотношение и содержание таких категорий, как «деньги», «товар», «труд», «собственность». Сословное самосознание и отождествление себя с особой принадлежностью «мы — крестьяне», «мы — рабочие», описанное С. Г. Кордонским [Кордонский, 2008, с. 56], теснили новые жизненные стереотипы и моральные нормы. На смену коллективизму как мировоззренческой основе российского этноса пришел *индивидуализм*.

Что касается теоретического наследия, то нельзя не отметить, что аспекты формирования российской экономической ментальности и ее влияние на экономическое поведение граждан в современной России проследила Е. С. Балабанова [Балабанова, 2001]. Вопрос о взаимосвязи экономической ментальности и неформальной экономики поставила С. Ю. Барсукова [Барсукова, 2001].

В настоящем исследовании мы попытаемся сконцентрироваться на «менталеобразующих» факторах и свойствах общественного сознания, трансформационных особенностях мировоззрения, постепенно дистанци-

рующих мировидение советских граждан от социалистических эталонов. Безусловно, государственное политическое устройство и экономические модернизации утвердили плюрализм ментальностей и многообразие культурно-ментальных систем. Осознавая эти аспекты на основе источникового материала, в том числе регионального, все же предпримем усилия для обозначения важных, каркасных, однотипных черт мировосприятия обывателей, относящихся к категориям сельскохозяйственного и производственного социума, а также руководящей ими элиты и управленцев. При этом в рамках данной статьи мы не ставим задачу отслеживания четкой социальной стратификации рассматриваемого сообщества, что является предметом дальнейших изысканий.

2. Утверждение новых социальных архетипов и моделей восприятия, мышления, действия

2.1. Стратегия к обособленности: статус категории руководящих работников

Представители руководящего звена в деревенском сообществе и номенклатуры в городе являлись носителями особых идеологических, социально-психологических и ментальных установок. Социально-экономический статус и место в управленческой системе слоя высших управленцев свидетельствовали о буржуазных тенденциях и их включении в процесс накопления капитала. Функция собственника данной категории лиц стояла на первом месте, тогда как управление носило второстепенный характер. Материальное положение имело в основном легитимное происхождение, однако представителями других классов обнаруживались в их поведении негативные для общественного движения стороны [Безнин и др., 2019, с. 180—181, 188]. В данном случае специфика публичного отношения к институту жилой собственности и жилищно-бытовым вопросам выражалась в критике стремления к обогащению. Отметим, что крестьянские представления об имущественном и социальном расслоении, понятиях «богатство» и «сытость», о нравственных качествах лиц, владеющих достатком, несомненно, накладывали отпечаток на суждения советских обывателей, связанные с видением жизненных ориентиров и устремлений. Происхождение и рост благосостояния, как и ранее, ассоциировались не с трудовой деятельностью, а с несправедливыми, не соответствовавшими христианской морали делами и прямым обманом [Слепнев, 1996, с. 222]. Отсутствие бедности и богатства выступало одним из идеалов социальной справедливости. Отметим, что дифференцированный подход к базовым составляющим материального благополучия граждан во второй половине XX века — заработной плате и жилплощади, а

также сопряженной с ними индивидуализации жизни вызывали неудовлетворенность, раздражение и гневные отклики. Так, в письме за 1963 год от жителя Ленинграда П. М. Пашкова к Н. С. Хрущеву докладывается о председателе Ленгорсовета, поощрявшем строительство индивидуальных «хлебов-гаражей» для автомашин, владельцы которых именовались капиталохранителями и единоличниками [Столетова, 2020б, с. 414; РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 1, л. 15—15 об.]. В письмах в ЦК КПСС за 1964 год из Ростова и Белгорода ставится вопрос о глубокой дифференциации общества и назревающим на этой почве конфликте между рабочими и руководителями. Авторы документов повествуют об усечении социального братства, установлении общественного неравенства. Обращаясь к представителям государственно-партийного аппарата, они пишут: «Вы живете в шикарных квартирах, получаете огромные оклады, и ваши жены не стоят в тысячных очередях за перловкой» [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 1, л. 57]. «Я как честный советский человек, больше не могу терпеть и решил написать о Ваших не честных, несправедливых делах. Вы обижаете советских рабочих. Вы довели до того, что мужчина не в состоянии прокормить самую малую семью из 3-х человек. Рабочие получают 70—100 руб. Вы подсчитали, чтобы хватало на хлеб да на воду, да кое-как одеться, а все остальное забираете, получается что-то вроде продразверстки. Сейчас люди боятся иметь своих детей, т. к. лишний рот ведет к нищенству. Вы хотели отнять у женщин кастрюлю, но сунули им в руки кувалду и кастрюлю в придачу. Зачем нужно было строить дворец съездов, когда многие еще без квартир живут, на земле без полов. Королям дарят миллионы, а с советского рабочего стараются высосать последнюю копейку. На заводе за один нерабочий день отрезают на одну копейку мыло! Это уже не экономия, а крохоборство», — сообщал в письме от 15 февраля 1964 года ростовчанин Е. М. Гусев [Там же, 56—56 об.].

Кроме того, в источниках встречается обозначение незаконных способов обеспечения комфортной жизни [Там же, л. 102—103]. В письмах за 1970-е годы материальное обособление чиновников встречало наибольшую критику. Крайне резко осуждалось стремление к чрезмерному расширению жилой площади. Обнародование компрометирующего материала на страницах газет связывалось с воспитательными стимулами. Добавим, что тенденции развития советской России дополняются однотипными сведениями о положении дел в республиках. «Власть дается людям не для того, чтобы они ей злоупотребляли, а для того, чтобы они проявляли заботу о простых тружениках», — писали П. З. Магомедов и К. С. Османов из Махачкалы в «Правду» в середине 1970-х годов [РГАНИ, ф. 5, оп. 68, д. 267, л. 60—61]. Нескромное поведение и изолирование первых лиц

партии от трудового населения обозначало все большую разрозненность мировоззрений. Так, А. И. Серегин в письме в адрес газеты «Тамбовская правда» 25 ноября 1975 года упоминал о жилье трудового населения, сравнивая его с полуподвальными помещениями, тогда как для первого секретаря Тамбовского обкома партии было выстроено двухэтажное здание-дворец. «Объем его полтора — два десятка комнат с внутренней отделкой по типу старинных царских чертогов. Не ведомо и то, как малочисленная семья осваивает жилплощадь, которая вместила бы десяток больших семей» [Там же, л. 172—173], — озадачивался автор. Юрист райсельхозуправления П. Ф. Нестеркин из поселка Байкалово Свердловской области в письме за 1975 год указывал на то, что, используя государственные средства совхоза, госстраха и промкомбината, «руководители на виду у всех строили себе особняки», в то время как объекты социальной инфраструктуры размещались в непригодных зданиях [Там же, л. 119]. В сознании людей власть стала ассоциироваться с благами, недоступными простым гражданам. Как писал анонимный автор в письме, датированном началом 1960-х годов, «власть, а с ней благо жизни, чины, казенный авторитет, путевки в Карловы Вары, летние дачи, лучшие квартиры, детишкам выбор карьеры и больше тепла под солнцем» [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 1, л. 20 об.] стали явлением, сращенным со взяточничеством.

В письмах в «Правду» за 1980-е годы читатели выражали протесты против фактов обуржуазивания руководителей среднего звена и колхозной «верхушки». И. Б. Геворкян из Еревана приводил в пример личность директора объединения № 2 райобщепита, имевшего 70 кв. м. жилой площади в центре Еревана, автомашину «ГАЗ-24» и гараж во дворе дома [РГАНИ, ф. 5, оп. 77, д. 68, л. 6]. Рабочие Арабатского цементно-шиферного комбината в том же году выступили против председателя завкома. «Он превратил детсады, пионерский лагерь, дома отдыха «Золотой ключик», «Дом культуры» в собственную вотчину, откуда качает деньги. Квартиры и машины распределяет сам лично», — обозначали очевидцы событий [Там же, л. 7]. Колхозники из села Ходжабек Богдановского района Грузинской ССР в 1980 году декларировали: «Первый секретарь Богдановского райкома партии, работавший ранее председателем колхоза, буквально ограбил район. В течение года он обеспечил своего личного шофера квартирой, импортной мебелью и автомашиной “Жигули”, в то время как труженики района стоят в очереди десятки лет» [Там же, л. 27]. Таким образом, действия по сосредоточению в руках правящего класса все большего объема жилой собственности и движимого имущества, нередко осуществляемые в понятиях иных социальных категорий за счет государственных средств и ресурсов, вызывали стойкое недовольство и неприятие.

2.2. Особое положение в обществе: социальные роли, психологические черты и ориентации управленцев

Менеджеры села (управленцы, распорядители ресурсов) и лица, представляющие городской административно-управленческий аппарат, также являлись носителями особой роли в отправлении права собственности, характеризовались специфическими особенностями правового и экономического статуса, социального поведения, менталитета. Социальная трансформация общества вела к возрастанию роли управленцев в производстве, сообразно этому формировались их групповые интересы. Организаторская функция данного класса имела приоритет, однако велики были и собственнические проявления [Безнин и др., с. 181, 188]. Примечательно свидетельство анонимного автора в письме начала 1960-х годов: «Люди, достигшие определенной высоты в сферах управления и распределения, дрожат за эти места и пойдут на все, чтобы держаться, имея ввиду подхалимство, лесть, угодничество. Среднее чиновничество живет надеждами на выдвижение и отдельными разовыми доплатами, иногда взятки берут, легко мошенничают» [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 1, л. 21 об.—22]. Сведения о фактах корыстных побуждений, все более распространявшихся среди членов характеризуемой общественной страты, превалируют в письмах за 1975 год. В них фигурируют имена заводских директоров, начальников по распределению жилья, начальников стройучастков. «Все строится из ворованного. Везде одна болтовня», — обозначено в анонимном письме от 1975 года, направленном в ЦК КПСС из Саратова [РГАНИ, ф. 5, оп. 68, д. 267, л. 149—150]. В анонимном письме из Красноуральска Свердловской области от 1987 года, адресованном М. С. Горбачеву, указывалось, что свободных мест для отдыха трудящихся не осталось, так как «везде “царствуют” руководители предприятий» [РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 228, л. 2]. Кроме того, в анализируемых отзывах фигурируют экспрессивные термины, отражающие эмоциональное отношение к действительности. Выражения «хлева-гаражи», «царские чертоги», «дачи-дворцы», «царствуют руководители» показательны в плане анализа факта дифференциации и глубины общественной поляризации. Интересно, что факт социального расслоения и неравенства в СССР, как писал Ю. С. Никифоров, отчасти был признан во властно-партийных структурах [Никифоров, 2020, с. 409].

Если рассуждать о вопросе обеспеченности жильем рядовых граждан, то нельзя не отметить, что к 1980-м годам сохранялись ситуации ущемлённой жизни в коммунальных квартирах, недостаточности благоустройства дворовой территории и комфортабельности жилья [Столетова, 2020a]. Отметим, что постепенный рост доходов и запросов населения пороже-

дал требования усиления качества жизни, материально-технологической среды, но и сохранения коллективистских форм бытия, общинной этики. Новые черты экономической ментальности не шли вразрез с идеями социальной общности, принадлежности и зависимости человека от социальной организации, приоритета уравнительности, совместного управления хозяйством [Столетова, 2020б, с. 409]. Практика консервации коллективистских форм жизни формировала особые обычаи и в том числе создавала основу для развития неформальной экономики.

2.3. Мироощущение рядовых тружеников и рабочих: ментальные характеристики, общественные стратегии и стремления

Сообразно изменениям, протекавшим в управленческих стратах, новые ментальные черты зарождались и закреплялись в сознании представителей деревенской рабочей аристократии, сельского пролетариата, городского рабочего класса, служащих. В данном контексте на первый план, согласно нашим изысканиям, касающимся анализа общезначимых институтов собственности, рынка, семьи, выводится категория «обычай». Традиции родства, вызревшие из крестьянского мировоззрения, а также поиск возможностей «выживания» со стороны «низших» классов рабочих и сельскохозяйственных тружеников, оказали прямое влияние на развитие явлений организации перепродаж товара и найма. Примечательно, что если руководящее звено критиковало «низы», то и, наоборот, «верхи» обозначали мировоззренческие свойства, подлежащие в их понимании искоренению. Здесь важно сказать о принципах жизни, их метаморфозах. Еще в пореформенный период малотоварность крестьянского хозяйства, отдаленность рынков, неразвитость путей сообщения, кредита и кооперации неизбежно порождали существование института скупщиков и торговых посредников. Их деятельность порой носила характер своеобразного «рэкета» [Слепнев, 1996, с. 219]. Привычный, не закрепленный законом, стереотипный способ действий был актуализирован в советском обществе. В особенности это проявилось при реализации права пользования в экономической системе второй половины XX века. Отметим, что в этот период обычай в явлениях советской действительности (а именно в экономической отрасли) все чаще приобретал негативный окрас, развивались модели отклоняющегося поведения. В восприятии, мышлении и действиях людей реалии, связанные с растратами и хищениями, превращались в стандартные способы организации жизни. При этом упомянем, что сознательное стремление ограничить свое участие в коллективном труде, а также массовое отправление традиционных религиозных праздников с оставлением работы в объединенном хозяйстве, получившее развитие в предвоенный период, являлось предвестником и

истоком умозрений, распространяющихся в народной среде во второй половине XX века [Безнин и др., 1996, с. 162—163]. Так, по документальным свидетельствам за 1960 год (согласно информационной записке отдела пропаганды и агитации по РСФСР «О недостатках в работе партийных организаций Пермской области по воспитанию коммунистического отношения к труду»), на многих региональных промышленных предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах царила низкая трудовая дисциплина. В 1959 и 1960 годах на промышленных предприятиях Пермской области каждый восьмой рабочий являлся прогульщиком. В колхозах Кунгурского района той же области каждый десятый колхозник не вырабатывал минимума трудодней. Много рабочего времени терялось в связи с праздником «престола». В эти дни, как правило, работа прекращалась на три и более дней. Председатель колхоза им. Чапаева товарищ Уланов рассказывал: «На территории колхоза расположено 25 населенных пунктов и в каждом из них свой “престол”». Документ фиксирует, что в области имелось немало тунеядцев, спекулянтов, стяжателей, о них знали суды, но мер не принимали. Так, инженер Кочев и учитель Бондаренко по три года нигде не работали, занимались ловлей рыбы и продажей ее на рынке. Серьезные недостатки, имеющие место в бытовом обслуживании, вынуждали многих людей иметь дело с любителями легкого заработка. Многие граждане вынуждены были обращаться к «левакам» для того, чтобы подвезти дрова, мебель. Чтобы отремонтировать обувь, одежду, квартиру, также нередко приходилось обращаться к частнику. Отсутствие достаточного количества скупочных магазинов приводило к расширению так называемых «толкучек», где орудовали спекулянты. Недостатки в системе закупок излишков сельскохозяйственной продукции у колхозников также использовались спекулянтами, которые перекупали фрукты, овощи, мясо, масло, а затем продавали их на колхозном рынке [РГАНИ, ф. 5, оп. 34, д. 76, л. 1, 9, 12]. В том же документе «О недостатках в работе партийных организаций Пермской области...» указывалось, что в ряде учреждений притупилась острота неприятия к таким отрицательным явлениям, как использование в целях личной наживы машин, механизмов, оборудования. В источнике обозначено: «На рабочем собрании предприятия п/я 210 при обсуждении вопроса “Кто такие тунеядцы и есть ли они среди нас” выяснилось, что Жуков организовал частную лавочку — принимает заказы от частных лиц на изготовление бачков, тазов, леек, железных печей и других предметов. Немало фактов, когда в целях личной наживы используется государственный автотранспорт, особенно такси. Партийные организации, советские органы недостаточно ведут борьбу с фактами проявлений частнособственных интересов, не вскрывают и не анализируют причин, способству-

ющих и развивающих дух стяжательства у отдельных людей. Так, в колхозе им. Ленина Большесосновского района (Пермская область) работал гражданин Григорьев. Работал всего 2—3 месяца в году. Тем временем он расширил свое хозяйство: у него 2 коровы, 4 телка, 10 овец, 20 ульев. На рынке он сбывал овощи, мясо, молоко, мед. Когда о нем вспомнили в партийной организации и в райкоме КПСС, было уже поздно. Григорьев заявил: «Да я, пожалуй, не подхожу для партии» [Там же, л. 4—5]. Схожие процессы наметились в лесозаготовительной отрасли: «Покупатели колхозного леса для заготовки, трелевки и вывозки древесины нанимали местных жителей, колхозников, а нередко и рабочих лесозаготовительных предприятий. Все это разлагающе действовало на отдельных трудящихся, создавало почву для любителей легкого заработка. Многие колхозники Краснокамского района Пермской области, имея хорошие добротные дома и достаточную жилую площадь, строили вторые дома. Всю свободную жилплощадь они сдавали в аренду под детские учреждения и дачи, получая от этого доход до 5 тыс. рублей за сезон» [Там же, л. 6]. Таким образом, среди социальных групп рабочих и колхозников множились стремления к усилению своего заработка, в том числе для создания комфортных условий своего проживания. Для воплощения в жизнь подобных целей требовалось оставить коллективную колхозную работу и обратиться к частной деятельности, перекупке продукции, присвоению части государственного имущества. При этом ценность, связанная с возможностью прекращения ежедневной государственной работы, имела высокую степень приоритетности.

Как было отмечено выше, центральная власть редко оставляла подобные ситуации без внимания, истоки данных процессов подлежали оценке и критике. Так, информационная записка отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС о недостатках в работе партийных организаций Пермской области за 1960 год содержала следующие сведения: «Известно, что в нашем обществе нет и не может быть никаких экономических причин, порождающих эти явления, само существо социалистического общества отрицает их. Но отдельные недостатки в распределении продуктов труда, снабжения, упущения в бытовом обслуживании трудящихся приводят нередко к этим отрицательным явлениям. Недостатки, допускаемые советскими органами и торговыми организациями, создают почву для деятельности спекулянтов. Перебои с продажей товаров в государственной торговле приводят к расширению сбыта продукции на колхозных рынках, где в настоящее время главенствующую роль захватил частник» [Там же, л. 60—61]. Анализируемый аспект требует следующего пояснения: индивидуализация трудовой деятельности рознила классово-однородную рабочую пира-

миду, созданную посредством массового создания производственных коллективов — бригад. В ходе социальной эволюции открылись и ниши открытой предпринимательской инициативы, проявившейся в деятельности «шабашников» или колхозников, продающих продукты питания собственного производства [Безнин и др., 2020, с. 79, 80]. В художественной литературе отражена негативная сторона их личности. Так, в повести «Пожар» В. Распутина интерпретируются беды сибирского поселка, где некоторые из жителей стали приспосабливаться, перенимать худшее, появились лица, прибывшие в леспромхоз за «длинным рублем». Началось пьянство, чертой времени стали убийства и кражи. Так называемые архаровцы — сезонные неместные рабочие, сформировали силу, противостоящую местным жителям. Это были «новые люди» — беспринципные, жаждущие наживы, бандиты [Столетова, 2019а, с. 141].

Другой стороной процесса выступили наблюдения рабочих и сельского пролетариата за ситуацией обуржуазивания руководящего звена власти. По сути параллельно с критикой положения данные явления вызвали однотипные порывы. Как писал Д. Г. Сельцер, личные злоупотребления партийной номенклатуры были объектом ненависти и зависти одновременно [Сельцер, 2007]. В свою очередь модель преодоления этих чувств выразилась в стяжательстве, обличия которого представлены выше. Сложившиеся условия подталкивали людей к реализации приобретательских навыков, к получению дохода через разные виды подработок, так называемых «халтур». Уместно обратить внимание на то, что руководящие органы путем массовой пропаганды настаивали на поддержании и развитии общественного духа коллективизма. Известны и формы работы в данном направлении. Так, в докладе Ленинградской городской партийной организации за 1960 год обозначено, что результатом деятельности партийных, комсомольских и профсоюзных организаций являлось «неуклонное повышение сознательности рабочих и служащих, их повседневная честность на производстве и в быту». К примеру, в Ленинграде работали 491 магазин самообслуживания, по примеру москвичей около 280 трамвайных вагонов были переведены на работу без кондукторов, широкое распространение в городе получили библиотеки и книжные магазины со свободным доступом к книжным полкам, а «доверие рабочих и служащих друг к другу сделало ненужным замки на гардеробах». Кроме того, опыт бригады коммунистического труда товарища Ромашова с Ленинградского Металлического завода объявлялся полезным и необходимым к внедрению в жизнь других производственных коллективов. Он заключался в том, что члены бригады по очереди в течение определенного времени работали в качестве бригадира, что обеспечило показательные успехи группы

[РГАНИ, ф. 5, оп. 34, д. 78, л. 4—5, 9]. Положительные результаты, с точки зрения все той же Ленинградской городской партийной организации, давала работа народных дружин. Об этом свидетельствует, к примеру, письмо от жителя Дзержинского района Беляковского (бывшего студента ЛЭТИ). В 1960 году он сообщал: «Все, что произошло после того, как задержали меня дружинники, перевернуло всю мою жизнь, заставило о многом подумать и многое переоценить. Больше месяца на Литейном проспекте висела карикатура на меня, как на барахольщика. Я видел с каким пренебрежением относится народ к таким “героям”, как я. Сейчас я работаю грузчиком. Постоянное общение с рабочим коллективом заставляет меня вновь и вновь осудить свой поступок» [Там же, л. 28—29].

Безусловно, работа партийных организаций в борьбе с туеядством имела свои плоды. В крестьянском миропонимании, в особенности среди старшего поколения, труду достаточно долгий период отводилась перво-степенная роль. Так, в повести В. Распутина «Прощание с Матерой» обозначен страх перед отсутствием работы, дел и деревенских забот. В диалоге двух героинь продемонстрирована обеспокоенность устройства нового городского быта: «Зато никакой тебе работушки, — не то успокаивая, не то насмехаясь, говорила Настасья Дарья. — Я у дочери в городе-то гостевала — дивля: тут тебе, с места не сходя, и Ангара, и лес, и уборна-баня, хошь год на улицу не показывайся. От и будешь ты, Настасья, как барыня, полеживать, все на дому, все есть, руки подымать не надо. А ишо этот... телехон займей. Он тебе: дрын-дрын, а ты ему: ле-ле, поговорела, и опеть на боковую. — Ой, не трави ты мое сердце! — обмирала Настасья и прижимала к груди дряблые руки, закрывала глаза. — Я там в одну неделю с тоски помру» [Распутин, 2020]. Однако сильны были и другие социальные мотивы. Как пишет С. Ю. Барсукова, рейтинг понятия «труд» в постсоветский период стал достаточно низким. Он не вошел в число распространенных ценностей. Исследователь связывает это с тем, что идеологизация понятия в советский период прочно утвердила «труд» как «работу не на себя». «Масштаб неформальной экономики, занятость в подсобных хозяйствах и обороты теневого капитала фиксируют желание работать, но в специфическом институциональном формате. Культура “вкалывания” как узкоисполнительская ориентация вытеснялась ориентацией на инициативную трудовую активность», — отмечает социолог [Барсукова, 2001, с. 60].

3. Заключение

Результаты проведенного нами анализа позволяют сделать некоторые частные выводы. В общественном сознании в 1950—1980-е годы формиро-

вались новые представления и тренды, в жизненном пространстве обновлялись повседневные практики, преломлялись традиции и утверждались альтернативные обычаи. Мировоззренческие установки и самосознание номенклатурных работников, управленцев, руководящего звена предприятий и производств, трудовой интеллигенции, производственных интеллектуалов и специалистов, крестьянства, рабочих приобретали видоизмененные черты. Преобразования призмы взглядов групп и классов российского социума ввиду прохождения этапов социально-экономического разобщения базировались на аспектах изменения соотношения позиций личности и коллектива, укреплении частного начала, обособлении буржуазных стремлений и идеалов накопительства. На протяжении 1950—1980-х годов зрел раскол в эталонах, фундаментальных концептах жизни, укреплялись позиции разочарования во власти, падения доверия к ней, сформировался принцип бездеятельности как способа протеста. К концу 1980-х — началу 1990-х годов обозначился качественный сдвиг в общественном сознании на всех его уровнях — социально-психологическом, нравственном и идеологическом. Реформирование жизненного уклада и размежевание российского социума стало важнейшими маркерами кризиса 1990-х годов.

Следует подчеркнуть, что через приведенные документальные свидетельства вполне четко просматривается ставшее злободневным социальное противостояние между тружениками и чиновниками. При этом крестьянские представления наложили серьезный отпечаток на диапазон умозрений российских граждан. Они лежали в основе ментальных характеристик советского социума. Однако по мере складывания новых классов вызревали их специфические поведенческие характеристики. К примеру, у представителей производственных коллективов формировалась совершенно новая психология, где собственность носила характер сторонней единицы, а суждения о социальной общности отличались глубиной устоев и идеалов. При этом в данном общественном модуле (параллельно наблюдениям, ведущимся за властвующим блоком) утверждалась мысль о том, что мелкие хищения не наносят вреда социалистическому имуществу [Столетова, 2019б, с. 380—381]. В свою очередь партноменклатура все больше отходила от традиционных воззрений о материальном достатке. При этом определяющее значение имел вектор, направленный в сторону овладения капиталами. Выкристаллизовывался и слагался классовый менталитет нового госкапиталистического уровня. Такие менталитетообразующие константы, как сдержанность в накопительстве и овладении имуществом, коллективизм как определяющий принцип форм организации общественной жизни, общественная собственность, ценность труда, духовно-нравственные потребности, претерпевали разложение, чему способствовала социально-

экономическая неустойчивость, институциональные условия, ценностная нестабильность, распад привычных хозяйственных практик.

Из сказанного становится очевидным, что во второй половине XX века в государственном экономическом устройстве обозначилась генерация двух типов поведения. Один из них тяготел к сохранению традиций и их воспроизводству. Это касалось «низов» общества — городских и сельских тружеников, пролетариев. Они настаивали на коллективизме, уравнительности, справедливости, считая значимыми категориями и условиями органичной жизни землю и труд на земле. Иной тип образа жизни был связан с частью социума, которая подверглась обуржуазиванию и омещаниванию. В это социальное поле входили средние и высшие классы: партноменклатура, протобуржуазия, интеллектуалы, менеджеры [Безнин и др., 2019]. Они выстраивали свою ось поведения, которая и отражена в многочисленных письмах рядовых обывателей о так называемых «злоупотреблениях». Однако двойственные реалии времени, партийная линия, государственные рычаги и механизмы, которые двигали людей к проявлению предпринимательства, и сама капитализация жизни меняли ее философию и траекторию. Эти маршруты нередко соседствовали и оказались охваченными конструкцией теневой экономики.

Источники и принятые сокращения

РГАНИ — *Российский государственный архив новейшей истории*. Ф. 5. Оп. 34. Д. 76, Д. 78; Оп. 68. Д. 267; Оп. 77. Д. 68; Ф. 100. Оп. 5. Д. 1.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабашкин В. В.* Крестьянский менталитет как системообразующий фактор советского общества / В. В. Бабашкин // *Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.) : материалы международной конференции 14—15 июня 1994 г.* — Москва : РОССПЭН, 1996. — С. 276—284.
2. *Балабанова Е. С.* Особенности российской экономической ментальности / Е. С. Балабанова // *Мир России*. — 2001. — № 3. — С. 67—77.
3. *Барсукова С. Ю.* Неформальная экономика и система ценностей россиян / С. Ю. Барсукова // *Социологические исследования*. — 2001. — № 1. — С. 57—62.
4. *Безнин М. А.* Аграрный строй России 1930—1980-х годов / М. А. Безнин, Т. М. Димони. — Москва : ЛЕНАНД, 2019. — 608 с.
5. *Безнин М. А.* Буржуазные тенденции в социальной жизни и менталитете советского общества 1950—1980-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони, А. С. Столетова // *Вестник Костромского государственного университета*. — 2020. — Т. 26, № 1. — С. 77—86. — DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-1-77-86.
6. *Безнин М. А.* Крестьянство и власть в России в конце 1930-х — 1950-е годы / М. А. Безнин, Т. М. Димони // *Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.) : материалы международной конференции 14—15 июня 1994 г.* — Москва : РОССПЭН, 1996. — С. 155—166.

7. Данилова Л. В. Крестьянская ментальность и община / Л. В. Данилова, В. П. Данилов // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.) : материалы международной конференции 14—15 июня 1994 г. — Москва : РОССПЭН, 1996. — С. 22—39.
8. Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России / С. Г. Кордонский // Мир России. Социология. Этнология. — 2008. — Т. 17, № 4. — С. 3—36.
9. Никифоров Ю. С. «В народном хозяйстве обостряются процессы, на которые мы не можем закрывать глаза»: проблемы СССР первой половины 1980-х годов (по материалам фонда Н. И. Рыжкова) / Ю. С. Никифоров // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 405—419. — DOI 10.24224/2227-1295-2020-9-405-419.
10. Распутин В. Г. Прощание с Матерой [Электронный ресурс] / В. Г. Распутин. — Москва : Художественная литература, 2020. — Режим доступа : <https://azbyka.ru/fiction/proshhanie-s-maturoj/> (дата обращения 23.07.2021).
11. Сельцер Д. Г. Региональная номенклатура КПСС : размышления о границах дозволенного / Т. Г. Сельцер // КПСС и номенклатура в советском обществе : материалы конференции (декабрь 2005 — февраль 2006 г.). — Пермь : ПГТУ, 2007. — С. 21—32.
12. Слепнев И. Н. Новые рыночные реалии и их преломление в менталитете пореформенного крестьянства / И. Н. Слепнев // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.) : материалы международной конференции 14—15 июня 1994 г. — Москва : РОССПЭН, 1996. — С. 215—227.
13. Столетова А. С. Жилищный вопрос середины 1970-х гг. как проблема социального обустройства в СССР / А. С. Столетова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. — 2020 (а). — Т. 20, № 4. — С. 475—481. — DOI: 10.18500/1819-4907-2020-20-4-475-481.
14. Столетова А. С. Крах крестьянских идеалов эпохи позднего советского общества (на примере повести «Пожар» писателя В. Г. Распутина) / А. С. Столетова // История социальных процессов в России (XX век) : сборник научных статей. — Вологда : ВоГУ, 2019 (а). — С. 138—145.
15. Столетова А. С. Материальное положение советских граждан в зеркале общественного мнения 1960—1980-х годов (по данным писем в центральные органы власти и СМИ) / А. С. Столетова // Научный диалог. — 2020 (б). — № 3. — С. 402—422. — DOI 10.24224/2227-1295-2020-3-402-422.
16. Столетова А. С. Общественные горизонты и мировоззренческие позиции писателя В. Ф. Тендрякова (на примере очерка «Падение Ивана Чупрова») / А. С. Столетова // Новые исторические перспективы. — 2020 (в). — № 3. — С. 99—106.
17. Столетова А. С. Особенности хищений государственной собственности в РСФСР 1960—1980-х годов / А. С. Столетова // Научный диалог. — 2019 (б). — № 12. — С. 379—391. — DOI 10.24224/2227-1295-2019-12-379-391.
18. Яхшиян О. Ю. Собственность в менталитете русских крестьян / О. Ю. Яхшиян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.) : материалы международной конференции 14—15 июня 1994 г. — Москва : РОССПЭН, 1996. — С. 92—105.

MATERIAL RESOURCES

RGANI — *Russian State Archives of Contemporary History*. (In Russ.).

REFERENCES

- Babashkin, V. V. (1996). Peasant mentality as a system-forming factor of Soviet society. In: *Mentality and agrarian development of Russia (XIX—XX centuries): materials of the international conference*. Moscow: ROSSPEN. 276—284. (In Russ.).
- Balabanova, E. S. (2001). Features of the Russian economic mentality. *Universe of Russia*, 3: 67—77. (In Russ.).
- Barsukova, S. Yu. (2001). The informal economy and the value system of Russians. *Sociological Studies*, 1: 57—62. (In Russ.).
- Beznin, M. A., Dimoni, T. M. (1996). Peasantry and power in Russia in the late 1930s — 1950s. In: *Mentality and agrarian development of Russia (XIX—XX centuries): materials of the international conference*. Moscow: ROSSPEN. 155—166. (In Russ.).
- Beznin, M. A., Dimoni, T. M. (2019). *The agrarian system of Russia in the 1930—1980s*. Moscow: LENAND. 608 p. (In Russ.).
- Beznin, M. A., Dimoni, T. M., Stoletova, A. S. (2020). Bourgeois tendencies in social life and mentality of Soviet society in the 1950—1980s. *Bulletin of Kostroma State University*, 26 (1): 77—86. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-77-86. (In Russ.).
- Danilova, L. V., Danilov, V. P. (1996). Peasant mentality and community. In: *Mentality and agrarian development of Russia (XIX—XX centuries): materials of the international conference*. Moscow: ROSSPEN. 22—39. (In Russ.).
- Kordonskiy, S. G. (2008). Estate structure of post-soviet Russia. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 17 (4): 3—36. (In Russ.).
- Nikiforov, Yu. S. (2020). “In the National Economy, Processes, to which we Cannot Close Our Eyes, are Aggravated”: Problems of USSR in the First Half of the 1980s (Materials of the N. I. Ryzhkov Foundation). *Nauchnyi dialog*, 9: 405—419. DOI 10.24224/2227-1295-2020-9-405-419. (In Russ.).
- Rasputin, V. G. (2020). *Farewell to Matyora*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Available at: <https://azbyka.ru/fiction/proshhanie-s-matyoroj/> (accessed 23.07.2021). (In Russ.).
- Seltser, D. G. (2007). Regional nomenclature of the Communist Party of the Soviet Union: reflections on the boundaries of what is permitted. In: *The CPSU and the nomenclature in Soviet society: conference proceedings*. Perm: PGU. 21—32. (In Russ.).
- Slepnev, I. N. (1996). New market realities and their refraction in the mentality of the post-reform peasantry. In: *Mentality and agrarian development of Russia (XIX—XX centuries): materials of the international conference*. Moscow: ROSSPEN. 215—227. (In Russ.).
- Stoletova, A. S. (2019a). The collapse of the peasant ideals of the era of late Soviet society (on the example of the story “Fire” by the writer V. G. Rasputin). In: *History of social processes in Russia (XX century): collection of scientific articles*. Vologda: VoGU. 138—145. (In Russ.).
- Stoletova, A. S. (2019b). Specifics of theft of state property in the RSFSR of 1960s — 1980s. *Nauchnyi dialog*, 12: 379—391. DOI 10.24224/2227-1295-2019-12-379-391. (In Russ.).

- Stoletova, A. S. (2020a) Housing issue mid-1970s as a problem of social arrangement in the USSR. *Izvestiya of Saratov university. New series. Series: History. International relations*, 4: 475—481. DOI 10.18500/1819-4907-2020-20-4-475-481. (In Russ.).
- Stoletova, A. S. (2020 b). Financial situation of soviet citizens in the mirror of public opinion of 1960—1980s (according to letters to the central authorities and the media). *Nauchnyi dialog*, 3: 402—422. DOI 10.24224/2227-1295-2020-3-402-422. (In Russ.).
- Stoletova, A. S. (2020c). Public horizons and worldview positions of the writer V. F. Tondryakov (on the example of the essay “The Fall of Ivan Chuprov”). *The New Historical Perspectives*, 3: 99—106. (In Russ.).
- Yakhshiyani, O. Yu. (1996). Property in the mentality of Russian peasants. In: *Mentality and agrarian development of Russia (XIX—XX centuries): materials of the international conference*. Moscow: ROSSPEN. 92—105. (In Russ.).